

Научная статья

УДК 81'23

doi: 10.47475/1994-2796-2024-487-5-114-122

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ В СОЗНАНИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО (на материале психолингвистического эксперимента)

Наталья Дмитриевна Федяева¹, Ирина Сергеевна Харитоновна²

¹ Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия, ndfed@yandex.ru, 0000-0003-1595-0482

² Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия, harit22irl@mail.ru

Аннотация. Описываются результаты психолингвистического эксперимента, направленного на выявление представлений о русском языке в сознании преподавателей русского языка как иностранного. Специфика эксперимента заключается в эксплицированном профессионально ориентированном характере стимула *русский язык*; при планировании эксперимента был обобщен опыт аналогичных исследований с респондентами-филологами. Одной из гипотез, предшествующих проведению эксперимента, стало предположение о совмещении в языковом сознании преподавателей наивных и научных представлений о русском языке. Эксперимент, построенный по модели свободного цепного, проводился в марте–апреле 2023 г. Описанный материал извлечен из 177 опросных листов, общее количество проанализированных реакций — 1 185. На первом этапе анализа реакции были охарактеризованы в структурно-грамматическом аспекте (преобладают однословные ассоциаты, выраженные именами существительными), на втором — в семантическом. Семантический анализ ассоциатов позволил выделить три семантических поля: «Русский язык как объект оценки», «Русский язык как основа национального самосознания», «Русский язык как учебный предмет». При анализе реакций, составивших первое поле, оказалось целесообразным обращение к типологии оценочных значений, предложенной Н. Д. Арутюновой. В результате было установлено преобладание в поле частнооценочных значений широкого спектра. Во втором поле объединены реакции на основании их лингвокультурного потенциала: так, в поле включены этнонимы, культурно значимые топонимы, прецедентные феномены, слова-символы. Третье поле наиболее явно представляет результаты работы профессионального языкового сознания и включает реакции по преимуществу терминологического характера, соотносящиеся с лингвистическими понятиями, разделами курса «Русский язык» и т. п. Интерпретация эмпирического материала свидетельствует о профессионализации понятия «русский язык» в когнитивном пространстве филологов, подтверждает гипотезу об отражении в ассоциациях специфики преподавания русского языка как иностранного, совмещающего обучение языку с погружением в русскую культуру и межкультурную коммуникацию. Обыденные представления респондентов включают положительные ассоциативно-оценочные смыслы.

Ключевые слова: русский язык, преподаватель русского языка как иностранного, психолингвистический эксперимент, семантическое поле, оценка, профессиональное языковое сознание

Для цитирования: Федяева Н. Д., Харитоновна И. С. Представления о русском языке в сознании преподавателей русского языка как иностранного (на материале психолингвистического эксперимента) // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 5 (487). С. 114–122. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-487-5-114-122.

Original article

PERCEPTIONS OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE MINDS OF TEACHERS OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE (Based on a Psycholinguistic Experiment)

Natalia D. Fedyaeva¹, Irina S. Kharitonova²

¹Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia, ndfed@yandex.ru, 0000-0003-1595-0482

²South Ural State University Chelyabinsk, Russia, xarit22irl@mail.ru

Abstract. The article describes the results of a psycholinguistic experiment aimed at identifying the perceptions of the Russian language in the minds of teachers of Russian as a foreign language. The specificity of the experiment consists of the explicit professionally oriented character of the stimulus *Russian language*; during planning the experiment, the experience of similar studies with respondents-physicians was generalized of similar studies with respondents-philologists. One of the hypotheses, that preceded the experiment was the assumption that the teachers' linguistic consciousness combines naive and scientific ideas about the Russian language in the teachers' linguistic consciousness language. The experiment, built according to the free-chain model, was conducted in March–April 2023. The described material was extracted from 177 questionnaires, the total number of analyzed reactions is 1,185. In the first stage of the analysis, the reactions were characterized in structural and grammatical aspect (predominantly one-word associations expressed by nouns), and at the second stage — in the semantic aspect. Semantic analysis of the associates allowed us to distinguish three semantic fields: “Russian language as an object of evaluation”, “Russian language as the basis of national Russian language as an object of evaluation”, “Russian language as the basis of national self-consciousness”, and “Russian language as an academic subject”. While analyzing the reactions that made up the first field, it proved expedient to refer to the typology of evaluative meanings proposed by N. D. Arutyunova. As a result, the predominance of private evaluative meanings in the field was established of a wide spectrum. The second field combines reactions based on their linguocultural potential: thus, the field includes ethnonyms, culturally significant toponyms, precedent phenomena, and symbolic words. The third field most clearly represents the results of the work of professional linguistic consciousness and includes reactions of mainly terminological nature, correlated with linguistic concepts, sections of the course “Russian Language”, etc. The interpretation of the empirical material testifies to the professionalization of the concept “Russian language” in the cognitive space of philologists and confirms the hypothesis that associations reflect the specifics of teaching Russian as a foreign language, combining language teaching with immersion in Russian culture and intercultural communication. The respondents' everyday perceptions include positive associative and evaluative meanings.

Keywords: Russian language, teacher of Russian as a foreign language, psycholinguistic experiment, semantic field, evaluation, professional language consciousness

For citation: Fedyaeva ND, Kharitonova IS. Perceptions of the Russian Language in the Minds of Teachers of Russian as a Foreign Language (Based on a Psycholinguistic Experiment). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(5(487):114-122. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-487-5-114-122.

Введение

Язык как «явление повседневное» [9, с. 30] осмысливается специально, комплексно, целенаправленно — в рамках содружества наук, составляющих филологию, а также познается, осознается и оценивается спонтанно, на основе жизненного опыта и практик повседневного существования — в границах наивной картины мира.

Научные взгляды на язык эксплицированы и составляют содержание научных теорий, несущих отпечаток эпохи создания и личности автора. Наивные (бытовые) представления репрезентированы в семантике языковых/речевых/текстовых единиц, задача систематизации этих представлений требует применения специальных методов.

Современные языковеды со- и противопоставляют научные и наивные взгляды на язык (см., например, [9]), предлагают в структуре языкового сознания выделять сознание метаязыковое, включающее «факты осмысления языковых закономерностей» [2], дифференцируют языковую, речевую и метаязыковую рефлексию [2; 13; 14] и др.).

Среди методов, используемых для реконструкции взглядов на язык, выделяется ассоциативный эксперимент, нацеленный на уточнение содержания соответствующего концепта. Одним из первых описаний, демонстрирующих результаты применения этого метода, является диссертация Л. А. Тавдгиридзе «Концепт “русский язык” в русском языковом сознании» (2005).

«Исследование Л. А. Тавдгиридзе показало, что концепту русский язык русское когнитивное сознание приписывает многочисленные человеческие качества — моральные, психические, интеллектуальные, физические, эмоциональные, культурные навыки (умный, вежливый, культурный, ласковый, веселый, живой и др.). Эти признаки переносятся на язык с человека, который владеет языком, и создают антропоморфный образ языка как человека — носителя определенных качеств» [12, с. 58].

В последние годы ассоциативные эксперименты со стимулами *язык, русский язык, родной язык* активно проводятся, а их результаты обсуждаются в научных публикациях. Заметим, что преобладают эксперименты с уточненным стимулом типа «прилагательное + существительное *язык*», что соответствует склонности наивного сознания, предпочитающего конкретное универсальному: «Но наивные пользователи языка не ждут создания такого универсального знания, равно понятного как профессионалу, так и непрофессионалу, ведь обращаться с предметами и явлениями, общаться друг с другом и изучать чужие языки им приходится уже сейчас или приходилось еще вчера» [9, с. 31]. Так, эксперименты со стимулом *русский язык* были проведены О. В. Шушаковой (2012), М. А. Дрогой (2015), Е. В. Ерофеевой, К. В. Виноградовой (2016); Ю. Ю. Литвиненко, Е. Ю. Некрасовой, М. А. Шутяк (2019); Т. Н. Журавель, В. В. Безбатченко (2022). Респондентами в этих экспериментах были школьники и студенты, среди последних выделялись группы по направлению подготовки (гуманитарные и технические специальности), по родному языку (носители русского языка как родного и иностранного), месту жительства и др.

Подчеркнем в связи с нашим исследованием, что для части респондентов описанных экспериментов язык составлял и предмет особого изучения; как следствие, представления о языке таких респондентов не могут быть оценены как исключительно наивные.

Квалификация и особые компетенции респондентов позволяют представить концепты «язык», «русский язык», «родной язык» дифференцированно. Так, в работе Л. А. Тавдгиридзе показано, что «мастера слова (публицисты, писатели и поэты) преимущественно концептуализируют язык в виде когнитивной метафоры и сравнения, связывая его в своем сознании с явлениями действительности и природы» [15, с. 217]. Эксперименты, проведенные среди студентов-филологов, свиде-

тельствуют, что в сознании последних в ядре понятия «язык» находятся специальные (научные) представления, формируемые такими признаками/семами, как «языковая система», «наука», «культура», «семиотика», «текст» и «дискурс» и пр., но и обыденный взгляд на язык в структуре понятия сохраняется.

Планируя проведение эксперимента, мы предположили, во-первых, что представления о русском языке в сознании тех, для кого он является содержанием профессиональной деятельности, имеют специфику. Это предположение позволило нам привлечь к участию в эксперименте преподавателей-филологов. Вторую часть гипотезы составила мысль о том, что особенности преподавания русского языка как иностранного, совмещающего обучение языку с погружением в русскую культуру и межкультурную коммуникацию, то есть предполагающего формирование и развитие вторичной языковой личности обучаемого, также найдет отражение в ассоциациях. По этой причине мы ограничили круг участников эксперимента преподавателями русского языка как иностранного.

Цель эксперимента — обобщить представления о русском языке в сознании преподавателей русского языка как иностранного (далее — РКИ) посредством анализа полученного ассоциативного поля.

Описание материала и методов исследования

Материалом для исследования послужили результаты свободного ассоциативного эксперимента, проводившегося в период с марта по апрель 2023 г. Эксперимент осуществлялся посредством Google-формы, в которой пользователь никак не идентифицировался при прохождении опроса, кроме указания информации о месте работы. Респондентами выступили 177 преподавателей РКИ из более чем 40 университетов, а также самозанятые (репетиторы и преподаватели онлайн-школ). Опросник был размещен в профессиональном сообществе «RKI.today» (социальная сеть ВКонтакте, 14,2К подписчиков) и в телеграм-канале РКИ TalksМетодика (4002 участника), а также отправлен в личные сообщения знакомым коллегам.

Участникам эксперимента предлагалась следующая инструкция: «Какие ассоциации вызывает у Вас словосочетание “русский язык”? Напишите как можно больше слов/словосочетаний, которые приходят Вам в голову». Время не ограничивалось.

Уточним характер эксперимента.

По ряду параметров он не соответствует канонам ассоциативного эксперимента: во-первых, не включены шумовые стимулы, как следствие, интересующий исследователя стимул является явным, во-вторых, этот стимул является профессионально ориентированным, а значит, отрелексированным, в-третьих, не соблюдался критерий возраста — эта характеристика респондента не являлась релевантной.

В то же время по типу задания и по подходам к описанию результатов проведенный эксперимент соответствует классической модели ассоциативного эксперимента. Данные респондентами реакции на стимул объединены в поле и проанализированы в аспекте формы и содержания. Ограничений на характер реакций и их количество не накладывалось, что традиционно для свободного (ненаправленного) эксперимента. Проведенный эксперимент также может быть определен как цепной, то есть эксперимент с продолжающейся реакцией.

Количество полученного и проанализированного материала составило 1 185 реакций (в среднем на одного испытуемого приходится 6,7 реакции), из которых 148 повторяющихся и 413 единичных.

В ответах респондентов встречаются как однословные ассоциаты (953 реакции), так и раздельнооформленные (232 реакции). Среди однословных ассоциатов преобладают имена существительные (55,2 %) и имена прилагательные (40 %). Слова других частей речи представлены в незначительном количестве: наречия, категория состояния — 1,8 %, глаголы — 1 %, местоимения — 0,8 %, числительные и причастия — по 0,1 %. Среди однословных ответов преобладают именные словосочетания.

Семантический и статистический анализ ассоциатов позволил выделить три семантических поля: «Русский язык как объект оценки», «Русский язык как основа национального самосознания» и «Русский язык как учебный предмет», каждое из которых включает тематические группы, рассмотренные далее.

Основанием для включения реакций в одно из полей стала семантика, понимаемая в традиции омской лингвоантропологической школы: «её [антропоцентристской семантики. — Н. Ф., И. Х.] объекты (языковые образы-концепты) “включены” как сложные содержательные структуры (сгустки смысла) во все семантизированные уровни языка и по этой причине должны исследо-

ваться комплексно, через обращение ко всем значимым языковым единицам в их реальном взаимодействии, посредством которого происходит отражение в речи той или иной ментальной сущности» [11, с. 151].

Заметим, что распределение реакций по семантическим полям носит в известной степени условный характер, допускает множественность подходов, что свидетельствует о многократно подтвержденном пересечении полей и микрополей. Так, реакции *огромный*, *масштабный* и подоб. могут быть отнесены к размерным и к интеллектуальным; *школа*, *филфак*, *университет* могут подразумевать место как обучения, так и работы; *звуки*, *грамматика*, *синонимы* респондентами изучаются и преподаются.

Представление результатов и их обсуждение

Поле «Русский язык как объект оценки»

Оценка сопровождает естественную коммуникацию, оценочность реакций на профессионально ориентированный стимул была ожидаемой: «человек аксиологически маркирует объекты внешнего мира, входящие в круг его вращения» [1, с. 84].

При анализе реакций поля «Русский язык как объект оценки» мы использовали классификацию оценочных значений Н. Д. Арутюновой. В основе классификации оценки лежит дихотомия хорошего и плохого, реализуемая в языке общеоценочными и частнооценочными значениями, последние делятся на сенсорные, сублимированные и рационалистические [1, с. 76].

В ассоциативном материале оценочные реакции, составляющие 42,7 % от общего числа ответов, представлены только частнооценочными значениями. Очевидно, что для филологов язык не бывает объектом оценки «хорошо/плохо», она выводится из множества аксиологически релевантных свойств языка, раскрывающих его многоаспектность. Для сравнения, в исследовании Л. А. Тавдгиридзе признак «хороший» представлен достаточно ярко и, расположившись на третьем месте после определений «грубый» и «интересный», входит в ближнюю периферию [15].

Самой представительной в количественном отношении является группа интеллектуальных оценок (70 %). Русский язык характеризуется преподавателями РКИ как богатый (95 — здесь и далее указано количество реакций), сложный (79), великий и могучий (77), выразительный (38), логичный (21), уникальный (14), интересный (14),

нелогичный (9), свободный (7), живой (3). Прокомментируем некоторые реакции.

Реакция *великий и могучий* — парафраз выражения *русский язык* — отсылает к одному из прецедентных текстов русской литературы.

В значении прилагательного *сложный* («представляющий затруднение для чего-либо») содержится, казалось бы, отрицательная оценка, однако, когда оценка не детерминирована, «знак определяется местом соответствующей ситуации в ценностной картине мира» [3, с. 19]. Сложность не может иметь отрицательную оценку в языковом сознании филолога. В реакциях *трудный, но интересный язык; трудный, но красивый* респонденты будто бы оправдывают сложность объекта оценки; обратим внимание на последовательность компонентов относительно союза *но*.

Логичность языка отражена в реакциях *логичный (7), правила (5), системный (2), системность (2), логика, логичность, иерархичность, структура, структурный, конструктор, каноны*. Нелогичность вербализована единицами *нелогичный, непредсказуемый, загадочный, запутанный, исключения из правил, исключения, много исключений, много правил и исключений, жи-ши пиши с буквой И, не надо исправлять носителей*. Русисты в отличие от рядового носителя знают о внутреннем устройстве языка, о многообразии связей между языковыми единицами. Язык обладает структурой, где правила и исключения — диалектически связанные явления.

К сенсорным относят «оценки, связанные с ощущениями, чувственным опытом — физическим и психическим» [1, с. 76]. Сенсорные оценки подразделяются на сенсорно-вкусовые (гедонистические) и психологические, которые могут основываться на интеллектуальном и/или эмоциональном восприятии.

Преимущественное большинство реакций в категории чувственных представлений (38) характеризует звуковой образ языка (21). Так, с одной стороны, отмечается *музыкальность (мелодичность, певучесть), ритмичность, звучность* языка. С другой стороны, отрицательную оценку передают следующие ассоциаты: *звучит грубовато, грубый, лексемы громогласный, раскатистый, рокошущий, хлёткий*, содержащие негативно-оценочное наполнение «чересчур звучный». Зрительный образ русского языка представлен характеристиками цвета (*яркий (7), красочный*) и размера (*масштабный, огромный, что-то большое, большой*).

Осязательные, обонятельные и вкусовые реакции единичны (*вкусный, тёплый, весенний запах*

вскопанной земли, запах сена, запах хвои), индивидуализированы, поэтому не поддаются интерпретации.

К эмоциональным оценкам (форма психологической оценки наряду с интеллектуальной) отнесены единицы, при помощи которых передаются переживания, положительные и отрицательные эмоции или чувства: *любимый (8), любовь (4), гордость (3), уважение (2), вдохновение (2), для вдохновения, люблю, я люблю русский язык, для любви, моя отрада, отрада, радость, восхищает, классно; господи, зачем я в это ввязалась?; кому это нужно? страшно, пугает, надо, печальный, захватывающий*.

Реакции, характеризующие язык с точки зрения этических и эстетических представлений, составляют группу сублимированных оценок, которые «возвышаются над сенсорными оценками, “гуманизируя” их» [1, с. 76]. В ответах информантов отсутствует отрицательная эстетическая и этическая оценка. Язык в сознании русистов живой, обладает сердцем и душой, и поэтому ему приписываются такие качества, как *доброта, душевность, толерантность, честность, открытость, смелость*. Красивым охарактеризовали язык 44 респондента. Однако данная категория оценки немногочисленна (11,4 %) и входит в крайнюю периферию.

Выразительность языка проявляется в *гибкости (5), эмоциональности (5), глубине (4), образности (3), поэтичности (2), тонкости (2), точности (2), чувственности (2)*.

Рационалистические оценки «связаны с практической деятельностью, практическими интересами и повседневным опытом человека» [1, с. 76]. В качестве аспектов выделения категорий лежат утилитарность, нормативность и телеологичность. Так, русский язык характеризуется как престижный (*важный (2), популярный (2), элитарность, главный, важно*). За реакциями *язык мира, язык мира и дружбы, дружба народов, объединяющий (3)* кроется идея предназначения языка, заключающегося в обеспечении единства, взаимопонимания на разных уровнях. Очевидно, что это предназначение оценивается респондентами положительно.

Сопоставляя представленность в этом поле положительных и отрицательных оценок, мы видим преобладание первых. Филологи осознают и утверждают ценность русского языка, выделяя преимущественно его достоинства. Заметим, что в упомянутом выше исследовании Л. А. Тавдгиридзе отрицательно-оценочные признаки со-

ставляют 17 % (реакции *матерный, нецензурный, пошлый, грубый, засорённый, много заимствованный* и др.).

Поле «Русский язык как основа национально-го самосознания»

«Ярким отражением характера и мировоззрения народа является язык, и в частности его лексический состав» [8, С. 25]. Второе семантическое поле объединяет реакции, характеризующие язык как основу национального самосознания (общее количество реакций — 432 (36, 5 %)).

Образ русского языка неразрывно связан с *Россией* (31) и осознанием этнической принадлежности (*славяне* (3), *русский мир* (2), *русский человек* (2), *русский народ, русская речь, русский дух* и др.). Языковые единицы *славянский* (6), *язык Пушкина* (4), *древний* (2), *древнерусский, старославянский, язык родителей, но не бабушек и дедушек* «сообщают» об истоках и историческом пути языка. Практически половина участников психолингвистического эксперимента (46 %) дают ассоциацию, имеющую семантический компонент «родной» (*родной, мой, свой, носитель* и др.). В это же микрополе отнесены ответные реакции *мама* (3), *первое слово в жизни человека, семья, мать, папа, детство, дом* (родной язык — материнский, усвоенный с детства).

Пересечение полей обнаруживается в следующей группе реакций, отнесенных выше к рационалистическим (телеологическим). Помимо наличия разных статусов и коммуникативных рангов, которые отмечаются в реакциях *международный* (5), *мировой язык* (2), *государственный* (2), *официальный* (2), *язык межнационального общения* (2), *язык межкультурного общения, средство международного общения; язык ООН* — всего 17 реакций, подчеркивается объединяющая сила языка (25): *объединяющий* (3), *мы одна семья, многонациональная Россия, язык русского народа, язык большой страны, подруга по вузу, друзья, скрепы, гуманитарная миссия, язык мира и дружбы, толерантность, дружба народов* и др.

Культурная ипостась языка нашла отражение в реакции *культура* (20), а также в реакциях, называющих сферу культуры, а именно: литературу и ее представителей (105), искусство и его формы (11), выдающихся личностей и значимые факты в истории (11), фольклор и его образы (10), религиозные воззрения (5). Помимо этого, были названы объекты материальной культуры, обозначающие еду, напитки, музыкальные инструменты.

Сгруппированные ниже реакции не частотны, однако культурно информативны и в совокупно-

сти составляют собирательную символическую картину, к тому же многие из слов лингвоспецифичны (трудно найти аналоги в других языках): *матрёшка* (3), *балет/русский балет* (2), *православие* (2), *Гагарин* (2), *балалайка, блины, борщи, квас, пряник, водка, чай со смородиновым вареньем, хохлома, узоры, мозаика, цари, богатыри, Красная площадь, красивые девушки, русский мат, анекдоты, книжность, советские фильмы, космос, Путин, В. И. Ленин, ВОВ*. Символическими фигурами русской литературы, помимо *А. С. Пушкина* (29), предсказуемо стали *Ф. М. Достоевский* (10), *Л. Н. Толстой* (5), *А. П. Чехов* (3).

Несмотря на широкий территориальный охват респондентов (от Белгорода до Владивостока), испытуемыми были названы только три топонима: *Москва* и *Сибирь* (по пять реакций), *Калуга* (1). При этом стимул вызвал 38 реакций, называющих природные объекты и явления. В зрительном образе *лесов* (11) и *просторных полей* (6) и ощущении *холода/мороза* (4) заключен природно-ландшафтный культурный код. «Тема пространственной беспредельности — один из структурообразующих элементов русской культуры»: в лингвоспецифичном слове *простор* «выражается идея любования или наслаждения большими расстояниями» [8, с. 66].

В незначительной по объему группе ассоциаций социального, экономического и политического содержания: *В России живут только Москва и Питер, бедность, тяжелая жизнь бедных людей, война, пропаганда, прекрасное будущее, интеллигенция* — преобладают реакции негативного характера.

Вопрос репрезентации ключевых идей лингвокультуры особенно актуален в теории и практике преподавания иностранных языков. Полученные ассоциации интересны с точки зрения бытования в сознании преподавателей РКИ связанных образов, ценностных ориентаций, убеждений, стереотипов, передаваемых иностранным учащимся в процессе обучения.

Поле «Русский язык как учебный предмет»

Третье семантическое поле (19,6 %) наглядно демонстрирует профессионализацию языкового сознания.

Прежде всего для респондентов русский язык — это работа (*работа* (11), *профессия* (3), *моя профессия* (2), *специальность* (2), *любимая профессия, люблю учить русскому; это моя работа и моя жизнь, моя работа, кропотливая работа, методика, подготовка, господи, зачем я в это связалась?; кому это нужно?*), реализуемая

в преподавании (*обучение* (5), *преподавание* (2), *урок* (2), *преподавание детям иностранцам, преподавание иностранцам, занятия, уроки, уроки с мигрантами*), имеющая свои средства для достижения целей (*учебник* (4), *азбука* (3), *книги* (3), *«Дорога в Россию»* (2), *перевод* (2), *букварь, алфавит, орфографический словарь, картинки, словари, «Русский сезон, Русский язык-мой друг, Точка.Ру, Поехали, Матрешка (и многие другие учебники)»*, *рабочая программа*) с помощью разнообразных форм и видов деятельности (*диктант* (2), *ЕГЭ* (2), *экзамен* (2), *сочинение, контрольная, изложение, упражнение, централизованное тестирование, тотальный диктант, олимпиада «Русский медвежонок», государственный экзамен; «пишем число, классная работа»*).

Весьма многочисленны локализирующие ассоциации: *школа* (12), *школьный предмет* (3), *школьный* (2), *кафедра* (2), *предмет в школе, филфак, Институт русского языка, университет; кабинет, университетский*. Отметим, что эти ассоциации характерны и для респондентов-нефилологов. Так, в Русском ассоциативном словаре под ред. Ю. Н. Караулова¹ стимул *русский язык* имеет 103 реакции, из которых 28 связаны с обучением в школе: *предмет* (6), *школа* (5), *ошибки, урок* (2), *букварь, в школе, Валентина Ивановна, диктант, и литература, книга, литература, математика, писать, Соколова, сочинение, учили, экзамен*.

Более конкретно о своей специальности и преподаваемой дисциплине сказали 16 человек (*РКИ* (6), *русский как иностранный* (3), *русский язык как иностранный* (2), *как иностранный* (2), *как неродной, второй, «ряки», язык специальности, язык медицины*). Однако специализация «прочитывается» и в группах реакций, говорящих об учениках (*иностранцы студенты* (3), *иностранец* (2), *студенты* (2), *для китайских студентов, иностранцы, преподавание детям иностранцам, преподавание иностранцам, уроки с мигрантами*) и средствах обучения (*«Дорога в Россию»* (2), *перевод* (2), *Русский сезон, Русский язык-мой друг, Точка.Ру, Поехали, Матрешка (и многие другие учебники)*). Результат деятельности определяют только две реакции: *говорить бегло, грамотность*.

Значительную часть поля «Русский язык как объект изучения» составляют термины, называющие аспекты изучения языка, грамматические категории, части слова, лексикологические по-

нятия: *грамматика* (10), *падежи* (5), *синтаксис* (4), *окончания* (3), *кириллица* (3), *флективный* (2), *морфология* (2), *слово* (2), *орфография* (2), *пунктуация* (2), *суффиксы и префиксы, флексии, слова, орфоэпия, стилистика, фонетика, фразеология, шесть падежей, категория рода, СВ и НСВ, спряжение, падеж, метафоры, эпитеты, синонимия, синонимы, фразеологизмы, полисемия, половицы и поговорки; неологизмы, алфавит, языковая игра, двойное отрицание, активные процессы, ассоциативность, вязь, афоризмы, буквы, звуки, интонации, курсив, запятая, лексика, лингвистика, литературный язык и диалекты, многозначность, скрепы, уменьшительно-ласкательные слова, развитие речи, разговорная речь, ударение, свободный порядок слов, подвижное ударение, синтетический, Даль, Ладыженская, Ожегов, Ткачѳв*.

Наиболее частотные реакции передают природу русского языка, а именно его аффиксальность и флективность. Последнее объяснимо профессией респондентов: русский язык, обладающий сложной системой словоизменения, обязывает филологов при обучении иностранных студентов уделять особое внимание грамматической системе, освоение которой обеспечивает владение языком как средством общения. Одна из самых сложных грамматических категорий для изучающих РКИ — категория падежа.

Заключение

Разделяя теорию Е. И. Головановой, мы наблюдаем, как в понятии «русский язык» в сознании преподавателей-филологов реализуется как «мерцающее» обыденное, так и практическое профессиональное знание [4, с. 39]. Так, реакции оценочного типа, в том числе *богатый* (8,01 %), *сложный* (6,6 %), *великий и могучий* (6,5 %), составляющие ядро понятия, соответствуют обыденным представлениям о языке. Реакции-термины, ассоциации, репрезентирующие коммуникативные ранги языков, и подоб., напротив, профессионально окрашены.

Наша гипотеза об отражении в ассоциациях специфики преподавания русского языка в иностранной аудитории подтвердилась актуализацией в понятии страноведческого/культурного компонента. Понятие «русский язык», будучи общеупотребительным, в когнитивном и коммуникативном пространстве филологов приобретает профессиональное звучание.

¹ Русский ассоциативный словарь : [в 2 т.] / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева [и др.]; Рос. акад. наук. М. : АСТ : Астрель, 2002.

Список источников

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М. : Наука, 1988. 339 с.
2. Вепрева И. Т. Метаязыковая рефлексия в функционально-типологическом освещении: на материале высказываний-рефлективов 1991–2002 гг. : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2003. 42 с.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. 2-е изд., доп. М. : Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
4. Голованова Е. И. Введение в когнитивное терминоведение. М. : Флинта : Наука, 2011. 224 с.
5. Дрога М. А. Русский язык в сознании студентов-иностранцев: какой он? // Риски в изменяющейся социальной реальности: проблема прогнозирования и управления : материалы междунар. науч.-практ. конф., Белгород, 19–20 нояб. 2015 г. Воронеж ; Белгород, 2015. С. 372–376.
6. Ерофеева Е. В., Виноградова К. В. Структура понятия «язык» и ее вариативность в зависимости от специальности // Социо- и психолингвистические исследования. 2016. № 4. С. 19–28.
7. Журавель Т. Н., Безбатченко В. В. Концепты «русский язык» и «английский язык» в языковом сознании сибирских студентов // Социолингвистика. 2022. № 4.4 (12). С. 122–139.
8. Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М. : Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
9. Кашкин В. Б. Научные теории и бытовые представления о языке: история и перспективы исследования // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика : межвузовский сборник научных статей. Кемерово ; Барнаул : Алтайский государственный университет, 2008. С. 30–44.
10. Литвиненко Ю. Ю., Некрасова Е. Ю., Шутяк М. А. Ассоциативное поле «русский язык» в языковом сознании иностранцев // Казанская наука. 2019. № 11. С. 47–49.
11. Никитина Л. Б. Постулаты антропоцентристской семантики // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2013. № 4 (14). С. 149–152.
12. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. 314 с.
13. Сидорова Л. Н. Психолингвистический подход к исследованию рефлексии о языке // Научный вестник МГТУ ГА. 2008. № 128.
14. Сидорова М. Ю. Рефлексия «наивного» говорящего над языком и коммуникацией (по материалам открытых интернет-дневников) // Сибирский филологический журнал. 2004. № 1. С. 117–129.
15. Тавдгиридзе Л. А. Концепт «Русский язык» в русском языковом сознании : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005. 246 с.
16. Шушакова О. В. Концепт «Русский язык» в языковом сознании школьника (к постановке проблемы) // Вестник ИрГТУ. 2012. № 6 (65). С. 290–294.

References

1. Arutjunova ND. Tipy jazykovyh znachenij: Ocenka. Sobytie. Fakt = Types of linguistic meanings: Assessment. Event. Fact. Moscow; 1988. 339 p. (In Russ.).
2. Vepreva IT. Metajazykovaja refleksija v funkcional'no-tipologicheskom osveshhenii: na materiale vyskazyvanij-refleksivov 1991–2002 gg = Metalanguage reflection in functional and typological coverage: Based on the material of reflexive statements 1991–2002. Abstract of Thesis. Yekaterinburg; 2003. 42 p. (In Russ.).
3. Vol'f EM. Funkcional'naja semantika ocenki = Functional semantics of evaluation. Moscow; 2002. 280 p. (In Russ.).
4. Golovanova EI. Vvedenie v kognitivnoe terminovedenie = Introduction to Cognitive Terminology. Moscow; 2011. 224 p. (In Russ.).
5. Droga MA. The Russian language in the minds of foreign students: what is it like? Riski v izmenjajushhejsja social'noj real'nosti: problema prognozirovanija i upravlenija = Risks in a changing social reality: the problem of forecasting and management. Voronezh, Belgorod; 2015. Pp. 372–376. (In Russ.).
6. Erofeeva EV, Vinogradova KV. The structure of the concept of “language” and its variability depending on the specialty. *Socio- i psiholingvisticheskie issledovanija = Socio- and psycholinguistic studies*. 2016; (4):19–28. (In Russ.)
7. Zhuravel' TN, Bezbatchenko VV. The concepts of “Russian language” and “English language” in the linguistic consciousness of Siberian students. *Sociolingvistika = Sociolinguistics*. 2022;4(12):122–139. (In Russ.)
8. Zaliznjak AA, Levontina IB, Shmelev AD. Kljuchevyje idei russkoj jazykovej kartiny mira = Key ideas of the Russian linguistic worldview. Moscow; 2005. 544 p. (In Russ.).

9. Kashkin VB. Scientific theories and everyday ideas about language: history and prospects of research. In: Obydennoe metajazykovoe soznanie i naivnaja lingvistika = Everyday metalanguage consciousness and naive linguistics. Kemerovo, Barnaul; 2008. Pp. 30–44. (In Russ.).
10. Litvinenko JuJu, Nekrasova EJu, Shutjak MA. The associative field “Russian language” in the linguistic consciousness of foreigners. *Kazanskaja nauka = Kazan Science*. 2019;(11):47-49. (In Russ.).
11. Nikitina LB. Postulates of anthropocentric semantics. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovanija = Human Science: Humanitarian studies*. 2013;(4(14):149-152. (In Russ.).
12. Popova ZD, Sternin IA. Kognitivnaja lingvistika = Cognitive linguistics. Moscow; 2007. 314 p. (In Russ.).
13. Sidorova LN. A psycholinguistic approach to the study of reflection on language. *Nauchnyj vestnik MGTU GA = Scientific bulletin of MGTU GA*. 2008;(128). (In Russ.)
14. Sidorova MJu. Reflection of a “naive” speaker on language and communication (based on materials from open Internet diaries). *Sibirskij filologičeskij zhurnal = Siberian Philological Journal*. 2004;(1):117-129. (In Russ.).
15. Tavdiridze LA. Koncept “Russkij jazyk” v russkom jazykovom soznanii = Russian Language concept in the Russian language consciousness. Thesis. Voronezh; 2005. 246 p. (In Russ.).
16. Shushakova OV. The concept of “Russian language” in the linguistic consciousness of a student (to pose the problem). *Vestnik IrGTU = Bulletin of the IrSTU*. 2012;(6(65):290-294. (In Russ.).

Информация об авторах

Н. Д. Федяева — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и лингводидактики, заведующий кафедрой русского языка и лингводидактики.

И. С. Харитонова — соискатель кандидатской степени; преподаватель кафедры русского языка как иностранного.

Information about the authors

N. D. Fedyeva — Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Linguodidactics, Head of the Department of Russian Language and Linguodidactics.

I. S. Kharitonova — Candidate Philological Sciences, Lecturer at the Department of Russian as a Foreign Language.

Статья поступила в редакцию 22.01.2024; одобрена после рецензирования 23.02.2024; принята к публикации 21.04.2024.

The article was submitted 22.01.2024; approved after reviewing 23.02.2024; accepted for publication 21.04.2024.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.